

Значеніе для жизни земной чаяніа жизни небесной.

(Чтеніе, предложенное экстраординарнымъ профессоромъ Кіевской дух. Академіи архимандритомъ Платономъ въ Кіевскомъ Обществѣ просвѣщенія въ духѣ православной церкви, 26-го марта 1900 года, въ залѣ Фундуклеевской женской гимназіи).

Жизнь наша есть то, что мы знаемъ лучше всего, и вмѣстѣ то, что менѣе всего извѣстно намъ. Когда мы задумываемся о ней, то оказываемся въ большомъ затрудненіи относительно этого столь извѣстнаго намъ предмета. Но если такъ, то не лучше-ли было бы совсѣмъ не задумываться о жизни, тѣмъ болѣе, что намъ—христіанамъ—извѣстно о ней столько, сколько надо для нашего спасенія?

Но человѣку мало частичнаго знанія. Ему хочется всю тайну сдѣлать явною и при томъ безъ всякой внѣшней помощи. Онъ не понимаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не желаетъ понять того, что это намѣреніе его неосуществимо, и старается вогнать жизнь свою въ построенныя для этого рамки, думая, что такъ будетъ лучше, усиливается перестроить ее по своему плану, устрояетъ ее по своему желанію, создаетъ и измышляетъ для нея всевозможнѣйшія теоріи, изощряясь въ изобрѣтеніи ихъ.

Но тщетенъ его трудъ, напрасны усилія,—человѣкъ только истощается въ этихъ своего рода экспериментахъ. Жизнь его идетъ сама собою своимъ путемъ, а теоріи его большей частью остаются сами по себѣ, лишь какъ-бы для того, чтобы говорить ему о своей полной непригодности. Создаетъ онъ ихъ одну за другой, увлекается ими, но, въ концѣ концовъ, горько разочаровывается: тайна остается тайною.

Не въ этомъ-ли хранится причина того, что въ наше время, время, когда человѣкъ особенно склоненъ все взвѣшивать и измѣрять, такъ сильно распространены разочарованіе и пессимистическій взглядъ на жизнь? Шопенгауэръ, Гартманъ, Таубертъ и др. доказываютъ человѣчеству, что жить не стоитъ, что жизнь человѣка „это пустая и глупая шутка, не стоящая сломанной булавки“. И эта мысль близка сердцу даже такихъ великихъ людей, какимъ былъ нашъ Пушкинъ. Мы слышимъ отъ него о жизни:

„Даръ напрасный, даръ случайный,

„Жизнь, на что ты мнѣ дана?

„Иль зачѣмъ судьбою тайной

„Ты на смерть осуждена?

„Кто меня враждебной властью

„Изъ ничтожества воззвалъ,

„Душу мнѣ наполнить страстью,

„Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?

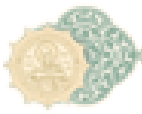
„Цѣли нѣтъ передо мною,

„Сердце пусто, празденъ умъ,

„И томить меня тоскою

„Однозвучный жизни шумъ“.

Даже и Александръ Гумбольдтъ въ концѣ своего жизненнаго поприща писалъ полныя отчаянія слова: „жизнь есть величайшая бессмыслица. Восемьдесятъ лѣтъ стремишься и изслѣдуешь, и въ концѣ концовъ приходится сознаться,

что стремился ни къ чему и изслѣдовалъ ничто. И еще если бы мы по крайней мѣрѣ знали, зачѣмъ мы существуемъ? А то все есть и остается для мыслителя загадочнымъ“. Въ этихъ словахъ сказывается пропитанное пессимизмомъ не совсѣмъ погаснувшее жизненное чувство восьмидесятилѣтняго человѣка, который еще не настолько старъ, чтобы совсѣмъ отречься отъ жизни, и недостаточно юнъ, чтобы пользоваться дарами жизни.

„О, знанье горькое! вотъ для какой науки

„Должны мы странствовать и лѣтомъ и зимой,

„И завтра, какъ вчера, встрѣчать лишь образъ
свой,

„Оазисъ ужаса въ пустынь мертвой скуки“,

говорить по поводу такой философіи Бодлъръ.

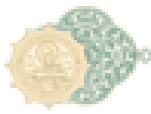
Философія эта не удовлетворяетъ и насъ, угнетая и подавляя своею мертвенностью и тоскою. Мы желаемъ жить, надѣяться и вѣрить. Неужели-же чувство это одна бессмысленная безцѣльная ложь и обманъ? Неужели не разъяснять намъ и не доказать великіе умы, что мы не обманываемся, что жизнь наша имѣетъ свою цѣль, а поэтому и смыслъ? Есть-же много великихъ ученыхъ, всю жизнь свою посвятившихъ на выясненіе смысла жизни и цѣли ея? Обратимся же къ нимъ и прежде всего къ тому, имя котораго и доселѣ на устахъ всѣхъ. „Кто нынче не говоритъ о Дарвинѣ? Кто не играетъ словами: естественный подборъ, борьба за существованіе? Однако, не однихъ людей легкомысленныхъ, но и людей подлинно ученыхъ и серьезныхъ открытіе Дарвина заставляетъ дѣлать страшные скачки въ разсужденіяхъ и выводахъ науки; заставляетъ высказывать такія рѣчи, которыя здравому непредубѣжденному сужденію представляются не иначе, какъ фантазіей или безуміемъ. Это случается всего чаще тогда, когда при помощи Дарвинова ученія хотятъ построить и завершить систему такого мірозданія, въ кото-

ромъ не оставалось бы мѣста Божеству“ (К. П. Побѣдоносцевъ). Значитъ, Дарвинъ ничего не скажетъ намъ о смыслѣ и цѣли жизни. Оставивъ, поэтому, его, обратимся къ его послѣдователю Геккелю, такъ убѣдительно проповѣдующему принципы своего учителя. Но этотъ ученый признается, что наука въ этомъ случаѣ—„настоящій воздушный замокъ, построенный только на однѣхъ гипотезахъ“.

Не имѣя основанія не вѣрить Геккелю, тѣмъ болѣе, что проповѣдуемые имъ принципы вызываютъ въ нашей душѣ невольное къ себѣ чувство отвращенія, мы оставляемъ его и, минуя Конта, Дюринга и цѣлый рядъ подобныхъ имъ, обращаемся съ своимъ вопросомъ къ Спенсеру и Миллю. И вотъ, первый сознается, что всѣ труды науки приводятъ его не къ истинѣ положительной, а къ пустотѣ сомнѣній“, что для истиннаго ученаго разумъ, „который освобождаетъ его отъ предразсудковъ и сомнительной вѣры, въ концѣ концовъ самъ становится предразсудкомъ и сомнительною вѣрою“ и „что только поверхностные наблюдатели великаго ученаго труда, но не сами труженики—ученые могутъ плѣняться свѣтлыми результатами истины“, а второй—съ горечью замѣчаетъ о себѣ: „не знаю, буду-ли я *лично* счастливъ, если будутъ осуществлены въ человѣчествѣ всѣ перемены, которыя я нахожу полезными“.

Вотъ откровенность, достойная великихъ ученыхъ! Но не одни они такого мнѣнія о результатахъ своихъ трудовъ въ области выясненія смысла этой жизни. Извѣстно, что и Дю-Буа-Реймондъ окончилъ свое сочиненіе „О семи тайнахъ міра“ безнадежнымъ, отчаяннымъ: „*dubitemus*“! „И другіе руководители всею умственною современною жизнью, говорятъ намъ знаменитый Фр. Ланге, не вѣрятъ въ то, что утверждаютъ, а только обманываютъ себя въ томъ, что вѣрятъ въ непогрѣшимость своей философіи“.

Но пусть они ошибаются, а мы будемъ всетаки вѣрить въ ихъ ученые силы и пойдемъ дальше въ своихъ поискахъ.

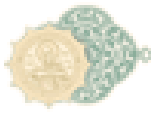

Приходимъ къ гр. Толстому и обращаемся съ своимъ вопросомъ. Въ отвѣтъ получаемъ: если желаете настояще жить, познать всю тайну жизни, то отвернитесь отъ всего васъ окружающаго и не противьтесь злу, которое, поэтому, уничтожится само собою. Но какъ же я могу не противиться злу, когда оно во мнѣ живетъ, и какъ мнѣ забыть все, когда здѣсь вокругъ меня все несравнимо дорогое для меня. а тамъ впереди мерцаетъ предо мною точка идеальнаго, свѣтлаго, вѣчнаго...

И ничего этого нѣтъ, вы заблуждаетесь такъ же, какъ и до васъ заблуждались въ этомъ тысячи лѣтъ,—поучаетъ насъ этотъ учитель,—и безжалостно начинаетъ рвать на мельчайшія части то, чѣмъ мы доселѣ жили, во что вѣровали и на что опирались. Я, говорятъ онъ намъ (такъ же, какъ и вы теперь), „подчинялъ себя тому преданью, которое имѣло все человѣчество. Я въ этомъ соединялся съ предками моими и со всѣми миллионами людей. Вставая рано къ церковной службѣ, я зналъ, что дѣлалъ хорошо, уже только потому, что (это было необходимо) для смиренія гордости ума, для сближенія съ моими предками и современниками, во имя исканія смысла жизни“. Мы внимаемъ и въ то-же время невольно думаемъ: плохо-же ты молился Богу. если молился только для того, чтобы не чуждаться своихъ предковъ и другихъ людей, вѣрующихъ съ тобою одинаково. Мы готовы уже уйти отъ этого учителя, но онъ продолжаетъ: и вотъ, я понялъ, что многое въ нашей службѣ Богу лишнее, много есть въ ней ложнаго.

Боясь оскорбить вашъ слухъ, мы не передадимъ тѣхъ богохульствъ, которыя такъ неутомимо изрыгаетъ этотъ врагъ нашей вѣры,—мы только спросимъ: есть-ли у этого чловѣка хотя капля состраданія къ людямъ, вѣрующимъ въ Бога и любящимъ Бога? Это-ли поборникъ правды и истины? Это-ли защитникъ угнетаемыхъ и обездоленныхъ, какимъ онъ себя считаетъ и какимъ всегда выступаетъ? Вѣра наша—

драгоценнѣйшее наше сокровище. И это сокровище онъ отнимаетъ у насъ,—отнимаетъ тотъ, кто клеймитъ всѣхъ сильныхъ міра сего позорными названіями грабителей, насильниковъ и т. п. Это дѣлаетъ тотъ, кто возмущается судами, считая ихъ учрежденіемъ, дающимъ торжество лжи, насилію и всякаго рода несправедливостямъ, и самъ-же публично насильничаетъ, самъ совершаетъ преступленіе, превышающее мѣру суда человѣческаго и подлежащее суду Божьему. Гордый своимъ умомъ, онъ выбрасываетъ изъ нашей вѣры все, чего не понимаетъ, какъ ненужный хламъ. Для него нѣтъ ничего, что могло бы быть выше силъ его. И удивительное явленіе. Въ этомъ пунктѣ гр. Толстой подаетъ руку нашимъ несчастнымъ въ своемъ ослѣпленіи сектантамъ. Просвѣщеніе, такимъ образомъ, вступаетъ въ союзъ съ невѣжествомъ: первое, чего не понимаетъ, то отрицаетъ, а второе ничего не понимаетъ, но утверждаетъ, что все понимаетъ, и поэтому все непонятное отрицаетъ. Такъ эти люди при ложномъ свѣтѣ и непроглядной тьмѣ вступаютъ на гибельный путь, и у нихъ, бѣдныхъ, хватаетъ смѣлости считать себя если не обновителями и спасителями рода человѣческаго, то, во всякомъ случаѣ, воскресителями его. Но Спаситель у насъ одинъ, и мы вѣруемъ въ Него, хотя и знаемъ, какъ много и было и есть невѣрующихъ въ Него. Толстой въ этомъ случаѣ не одинокъ, хотя ненависть его къ дѣлу Христа, можно сказать, единична. Въ своемъ отношеніи къ дѣлу Христа онъ неумолимъ, жестокъ, ѣдокъ, пропитанъ ненавистью и полнымъ презрѣніемъ. Мы—русскіе—хорошо знакомы и со взглядами француза Ренана, напр., много душъ отторгнувшаго отъ Христа, но тотъ-же Ренанъ былъ настолько добросовѣстенъ, что, побуждаемый духомъ справедливости, воспѣлъ такой гимнъ въ честь Спасителя нашего: „съ высоты Божьяго смиренья будешь взирать на нескончаемые плоды, которые породили дѣянія Твои... и въ отдаленной будущности родъ человѣческій будетъ искать въ Тебѣ

образа, дабы по подобію Его создать жизнь свою, извращенную превратностями. Ты будешь знаменемъ, подъ которымъ будутъ рѣшаться судьбы упорно борющихся. Вѣчно живой, тысячекратно болѣе возлюбленный по смерти, нежели при жизни, Ты пребудешь краеугольнымъ камнемъ челоуѣчества, такъ что желающіе отнять имя Твое у свѣта должны поколебать его основанія“. Гр. Толстой и старается колебать эти основанія. Если такъ, то обратимся съ своимъ вопросомъ къ кому-либо другому.

Не обратиться-ли намъ съ нимъ къ Марксу, имя котораго такъ ласкаетъ слухъ современныхъ экономистовъ? Этотъ практически хотѣлъ улучшить здѣшнюю жизнь челоуѣка. Но извѣстно, что „насколько сильны и поразительны аргументы, при помощи которыхъ Марксъ поражаетъ въ самое сердце индивидуалистическій экономическій строй, настолько же туманны и неопредѣленны абрисы той картины будущаго, которую онъ рисуетъ въ припадкѣ своего пророческаго энтузіазма“ (Штейнъ). Въ этихъ пророчествахъ нѣтъ мѣста этическимъ соображеніямъ, и поэтому надъ печальнымъ концомъ устроеннаго имъ международнаго общества смѣются теперь, не стѣсняясь. „Нѣмецкій жидъ“, какъ прозвали его его-же послѣдователи, подвергся остракизму изъ своего, основаннаго имъ, общества. Итакъ, и этотъ не даетъ намъ отвѣта на нашъ вопросъ.

Но кто-же изъ современныхъ просвѣтителей можетъ намъ сказать что на него? Не нынѣшній-ли оракулъ—Гюйо? Послушаемъ и его. „Будемъ надѣяться, говоритъ онъ, только на себя. Никакая рука нами не управляетъ, никакой глазъ на насъ не смотритъ; руль нашей жизни давно разбитъ; или, вѣрнѣе, его никогда не было, его надо сдѣлать, это—великое дѣло и это дѣло наше, --будемъ надѣяться только на себя“.

Мы готовы впасть въ отчаянье, такъ какъ въ этихъ словахъ намъ слышится ударъ похороннаго колокола, возвѣ-

щающій о гибели и разрушеніи всего того, чѣмъ доселѣ мы жили, о гибели нашей вѣры, нашей надежды, нашей любви. Все, значитъ, чѣмъ мы жили и для чего жили, все оказывается ложью. Господи, что же это и что послѣ этого?

Но обратись-же, наконецъ, христіанинъ, и посмотри туда; куда ты долженъ смотрѣть и единственно гдѣ ты можешь увидѣть свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка. Неужели ты не видишь, что всѣ эти доктринеры, всѣ эти „мудрецы сего міра“ на твой вопросъ о смыслѣ жизни и не могутъ дать тебѣ *надлежащаго отвѣта*? Неужели ты не чувствуешь, что и они для тебя и ты для нихъ—вы чужды другъ другу? „Надѣйся, говоритъ, на себя“! Но не тѣмъ-же ли самымъ совѣтомъ искушитель омрачилъ свѣтлую зарю человѣческой жизни? Не подъ вліяніемъ-ли того-же совѣта люди въ оное время стали строить башню, желая силою проникнуть на небо? „Будете яко божи“—звучало въ ушахъ этихъ строителей, воспламеняя ихъ души неудержимымъ стремленіемъ къ недостигаемой цѣли. Кончилось дѣло, какъ извѣстно, слишкомъ печально.

Прошли вѣка, и люди узнали, что реальнаго небеснаго свода нѣтъ, что тамъ за этимъ видимымъ небомъ одно пустое пространство, другой стороны котораго не можетъ коснуться своею вершиною никакая башня,—этой стороны нѣтъ. Какой стыдъ! Какое мучительное униженіе и позоръ! Думали быть богами и вмѣсто этой высоты вдругъ такое глубокое паденіе въ своемъ собственномъ мнѣніи. Казалось, урокъ столь поучительный, что человѣку разъ навсегда слѣдовало бы перестать жить въ области фантазіи и вымысловъ; а взять въ руки свѣточъ вѣры и при свѣтѣ его проникнуть въ глубину таинственныхъ процессовъ жизни. Ибо только такимъ способомъ можно выйти на истинный путь, путь, ведущій къ счастью, правдѣ, вѣчной красотѣ, вѣчному блаженству.

Но нѣтъ,—человѣчество подъ вліяніемъ все того же совѣта: „будете яко божи“, строить другую башню не реальную,

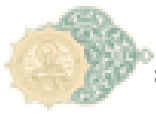
а идеальную. И на горе его вліяніе этой постройки сказывается полнымъ смѣшеніемъ истины съ ложью. Если раньше люди желали взнести землю на небо, то теперь желали бы снести небо на землю, признавъ, что жизнь человѣка земнымъ бытіемъ и кончается, что тамъ за гробомъ нѣтъ ничего, чего-бы человѣкъ могъ желать, или чего могъ опасаться. „Неба и ада не надо“! вотъ лозунгъ тѣхъ утопистовъ (Кабе, Беллами и др.), которые увлекаютъ другихъ къ устройству жизни здѣшней безъ всякаго отношенія къ жизни вѣчной небесной.

„Жизнь наша“ говоритъ Беллами, своими грезами увлекшій множество мыслящихъ людей нашего времени, „это исполинская карета, въ которую впряжена масса людей, обязанныхъ тащить ее по неровной и песчаной дорогѣ. Возницею служить голодъ, который не позволяетъ останавливаться, хотя карета подвигается всетаки очень медленно. Не смотря на трудности, съ какими приходится тащить эту колесницу по столь неудобной дорогѣ, она наполнена сѣдоками, никогда не выходившими изъ нея даже на крутизнахъ. Сидѣть въ ней очень не дурно; пыль туда не попадаетъ, и пассажиры могутъ на досугъ любоваться видами природы или критически обсуждать заслуги надрывавшихся упряжныхъ. На такіе сидѣнья, само собою разумѣется, большой спросъ, и они берутся съ боя, такъ какъ каждый считаетъ главнѣйшею цѣлью своей жизни добыть для себя мѣсто въ каретѣ и оставить его за своимъ потомствомъ. По каретному регламенту каждый можетъ предоставить свое сидѣнье кому угодно; но, съ другой стороны, бываютъ случайности, отъ которыхъ любое сидѣнье во всякое время можетъ быть утрачено совершенно... При внезапномъ толчкѣ люди могутъ вылетать изъ кареты и падать на землю; тогда они немедленно должны хвататься за веревку и помогать везти тяжелую колесницу... Весьма естественно, что забота о томъ, какъ-бы не случилось такой

бѣды, постоянно тяготѣть, какъ туча, надъ счастьемъ находящихся въ каретѣ“.

Итакъ, въ теперешнее время всѣ люди несчастны: одни вслѣдствіе матеріальныхъ недостатковъ и нужды, а другіе— вслѣдствіе боязни потерять свое привилегированное положеніе. Съ помощью чего-же Беллами уничтожаетъ существующія на свѣтѣ нужду и страданія?

Какъ въ оное время суевѣрій дѣлали жизненный элексиръ съ цѣлію уничтожить смерть, такъ и Беллами варить соціальный элексиръ, чтобы съ помощью его уничтожить существующія на свѣтѣ страданія и нужду. Такъ какъ дѣйствіе элексира могло сказаться только черезъ продолжительное время, то этотъ ученый усиливаетъ человѣчество на 70 лѣтъ, опьянивъ его предварительно поэтическимъ куревомъ. И вотъ, когда человѣчество проснулось, оно увидѣло, что карета, которую они танцили въ то время, когда другіе ее наполняли, катится по гладкой ровной дорогѣ сама собою,—ни толчковъ, ни какихъ-либо неровностей—ничего нѣтъ. Всѣ сидятъ въ каретѣ и чувствуютъ себя весьма удобно: каждый пользуется всѣми дарами науки и всѣми утонченными наслажденіями и удовольствіями, доставляемыми въ небывалыхъ размѣрахъ развитой техникой и, между прочимъ, телефономъ, при посредствѣ котораго можно, если угодно, сидя дома слушать церковное богослуженіе. Такъ хорошо будетъ житься человѣчеству. „Чудеснаго или сверхъестественнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Незачѣмъ предполагать для этого какое-то нравственное перерожденіе человѣчества, или уничтоженіе всякаго зла и торжество добродѣтели для объясненія этого явленія. Жизнь общества, построенная на ложныхъ личныхъ, эгоистическихъ началахъ, на социально-грубыхъ сторонахъ *человѣческой природы*, будетъ покоиться на началахъ, въ основаніи которыхъ будетъ лежать дѣйствительно личный интересъ раціональнаго безкорыстія и обращенія къ *соціально-великодушнымъ инстинктамъ* человѣка“... Тогда люди будутъ

жить въ согласіи, безъ ссоръ, безъ зависти, безъ обмана,— тогда они будутъ избавлены отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ. Жизнь ихъ будетъ раемъ. Длинная, унылая зима кончится для человѣчества. Настанетъ лѣто. Человѣчество выйдетъ изъ своей скорлупы и увидитъ предъ собою разверзшіяся небеса“...

Но довольно, впрочемъ, слѣдить за этими скачками разгоряченной и опьяненной техническими успѣхами фантазіи. Если улучшеніе жизни зависитъ отъ внѣшнихъ успѣховъ, чисто техническихъ, то почему-же мы не видимъ перваго, когда видимъ второе? Устройство идеальныхъ социальныхъ отношеній, водвореніе добрыхъ порядковъ,—кому бы это не было желательнымъ? Кто не желаетъ изъ людей прежнихъ временъ и кто не желаетъ теперь всеобщаго мира, правосудія, справедливости?...

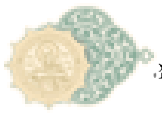
Но оглядываясь въ прошлое человѣчества и внимательно всматриваясь въ настоящее, мы видимъ, что оно или не знаетъ того, чего хочетъ, или если знаетъ, то дѣлаетъ не то, чего хочетъ. Прежде,—распространяя среди людей Христово ученіе любви, оно частію дѣйствовало огнемъ и мечомъ,—доискиваясь правды, пользовалось пытками,—а теперь на нашихъ глазахъ, желая мира, ведетъ войну. Да и вся жизнь человѣчества—отъ начала ея и до нашихъ дней—не есть-ли тотъ книжный свитокъ, на которомъ написаны: „плачь, стонъ, и горе“ (Іезек. II, 10)? и горе это, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше усиливается, не смотря на всѣ старанія заглушить его. Вотъ мы въ культурнѣйшемъ центрѣ—въ Парижѣ. Сразу, конечно, мы поражены тамошнимъ блескомъ, „насъ поразитъ миллионная толпа людей, въ полномъ сознаніи, съ энтузіазмомъ восклицающая: свобода, равенство, братство! Можно-ли усомниться, скажемъ и мы въ восторгѣ, что эти массы свободныхъ гражданъ достигли высокой степени счастья, что онѣ въ сравненіи съ массами невольниковъ въ эпоху тьмы и варварства неизмѣримо сча-

стливѣе. Посѣтивъ всемірную выставку, приходится поневолѣ преклоняться предъ гениемъ челоѣка“ (Дембицкій). Повидимому, жизнь челоѣчества улучшается по мѣрѣ культурнаго развитія и въ частности техническихъ открытій и приобрьтеній. Если заглянемъ мы и въ другіе уголки Европы— „вездѣ встрѣтимъ удобства, комфортъ, роскошь. Въ театрахъ, на балахъ, концертахъ, въ питейныхъ домахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ—столько веселья, смѣха и удовольствій! Счастливая молодежь черпаетъ тайны наукъ и искусствъ въ академіяхъ и университетахъ; живое слово ораторовъ на трибунахъ увлекаетъ слушателей; ежедневныя газеты доставляютъ новости со всѣхъ концовъ свѣта; кипитъ борьба изъ-за принциповъ. изъ-за способовъ возможно большаго счастья челоѣчества! Всюду жизнь бьетъ полнымъ ключемъ, повидимому, развивается такъ пышно, такъ роскошно!“ (Дембицкій). А между тѣмъ, нашему русскому наблюдателю (Соловьеву) вмѣсто этой блестящей стороны жизни бросились тамъ на Западѣ въ глаза—холодное и тупое отрицаніе всего, вопли отчаянія и проклятія, болѣзненно изступленные толки о новыхъ путяхъ жизни, всеобщій горячечный бредъ,—такъ что онъ вынесъ такое оттуда впечатлѣніе, что будто побывалъ въ домѣ умалишенныхъ, которымъ дѣйствительно жутко живетъ и которые всѣ томятся и жадно, отчаянно ищутъ какой-нибудь пицци, не находя ее въ своей культурѣ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое всѣ отрасли челоѣческаго знанія,—всѣ техническія искусства, изящныя художества, всѣ науки естественныя, историческія, философскія—если смотрѣть на нихъ съ нравственной точки зрѣнія? Всѣ онѣ суть постоянныя, тяжкія, съ безчисленными самопожертвованіями соединенныя усилія челоѣчества освободиться изъ неестественнаго ему состоянія рабства собственному своему невѣжеству и заблужденіямъ, грѣху и страстямъ, изъ порабощенія внѣшней природѣ, надъ которой надлежало бы челоѣку господствовать. Все челоѣческое просвѣщеніе есть

не что иное, какъ борьба слабаго свѣта, таящагося внутри самого человѣка, съ густымъ мракомъ невѣдѣнія, существующаго не только внутри самого человѣка, но и внѣ его повсюду разстлавшагося. Умственный свѣтъ образованнаго разума всегда нуждается въ елеѣ нравственно-воспитаннаго сердца,—прекратился елей, ярко вспыхнетъ свѣтъ и потухнетъ, фитиль же самъ собою начнетъ чадить и распространять угарь, отъ котораго человѣку нездоровится. А какъ нездоровится—это говоритъ намъ современная жизнь. Процентъ самоубійствъ безпрерывно увеличивается. „Сила бѣдъ и несчастій возрастаетъ какъ-бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе находятъ человѣчество путей для огражденія себя отъ нихъ“ (Гаусгоферъ). Воровство, поджоги, насилія, развратъ и всякаго рода обманъ развиваются непомѣрно. „Злосныя банкротства, учредители дутыхъ компаній, производители поддѣльнаго товара, фабриканты, пользующіеся чужими марками, торговцы съ фальшивыми вѣсами, страхователи поддѣльнаго имущества, охотники, надувающіе другъ друга, игроки, ведущіе большую игру“... (К. П. Побѣдоносцевъ),—все это слишкомъ обычное явленіе. „Нынѣшнія телеграммы въ газетахъ—это синонимы Іововыхъ вѣстей о грабежахъ, войпахъ, разбояхъ, эпидеміяхъ, наводненіяхъ, землетрясеніяхъ и всякаго рода катастрофахъ“ (Дембицкій). А положеніе бѣдныхъ? „Я не изъ числа сентиментальныхъ поклонниковъ дикаго состоянія, говоритъ Генри Джорджъ. И не у Руссо, Шатобріана или Купера заимствовалъ я свои представленія о безыскусственныхъ дѣтяхъ природы. Я сознаю ихъ матеріальную и умственную бѣдность, и ихъ низкое и жалкое положеніе. Я вѣрю, что цивилизація не только есть естественный удѣлъ человѣка, но есть также освобожденіе, возвышеніе и облагороженіе всѣхъ его способностей, и думаю, что человѣкъ, которому доступны блага цивилизаціи, можетъ пожалѣть о дикомъ состояніи, лишь при такомъ настроеніи духа, когда онъ склоненъ завидовать отыгравшему жвачку скоту. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, ни

одинъ человѣкъ, смотрящій на факты открытыми глазами, не станетъ возражать противъ того заключенія, что въ самомъ сердцѣ нашей цивилизаціи имѣются обширные классы людей, съ которыми самый грубый дикарь не помѣнялся бы своимъ положеніемъ. Я глубоко увѣренъ, что если бы такому человѣку, въ преддверіи существованія, предложены были на выборъ жизнь обитателя Огненной земли, жизнь чернокожаго Австрайлца, жизнь эскимоса въ Полярной области или жизнь среди низшихъ классовъ въ такой высоко-культурной странѣ, какъ Англія, то онъ сдѣлалъ бы безконечно лучший выборъ, избравъ себѣ удѣлъ дикаго. Ибо эти классы, посреди богатства осужденные на нужду, испытываютъ всѣ лишенія дикаря, не имѣя его чувства личной свободы; они осуждены на нѣчто большее, чѣмъ его ограниченность и ничтожество, не имѣя возможности развить въ себѣ его грубыхъ добродѣтелей; если и шире ихъ горизонтъ, то только лишь въ томъ отношеніи, что они видятъ благо, которымъ не могутъ пользоваться“. „Мы скоро привыкаемъ къ мысли о нуждѣ, говоритъ Токквиль, которой мы не испытываемъ, ибо зло, которое для человѣка, испытывающаго его на себѣ, становится все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ оно продолжается, для наблюдателя становится все меньше и меньше уже въ силу самаго факта своего продолженія“, „и, быть можетъ, говоритъ дальше Генри Джорджъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ справедливости этого замѣчанія является тотъ фактъ, что въ городахъ, гдѣ есть классъ бѣдняковъ и классъ преступниковъ, гдѣ молодыя дѣвушки разрушаютъ свое здоровье, добывая себѣ пропитаніе иглой, и гдѣ оборванные и босоногія дѣти проводятъ день и ночь на улицѣ, — регулярно собираются деньги для того, чтобы отпращивать миссіонеровъ къ язычникамъ“. Конечно, послѣднее замѣчаніе этого ученаго явно несостоятельно, но то безусловно истина, что мы постепенно привыкаемъ не видѣть нужды и страданій своихъ ближнихъ.

Но не смотря на всѣ эти физическія и моральныя бѣдствія, Генри Джорджъ вѣритъ въ то, что если мы обратимся къ Справедливости и подчинимся ей, если мы доверимся Свободѣ и последуемъ за нею, то насъ минуютъ въ этой жизни всѣ угрожающія намъ опасности. Онъ вѣритъ, что и на землѣ можетъ настать тотъ золотой вѣкъ, который воспѣвали поэты, и о которомъ говорили въ образахъ вдохновенные пророки, можетъ настать то самое, что видѣлъ человѣкъ на островѣ Патмосѣ,—на землѣ можетъ водвориться Градъ Божій, съ его стѣнами изъ яшмы и воротами изъ жемчуга,—можетъ быть царство Князя Мира.

Такъ, значитъ, наука, оказавшись безсильною въ лицѣ философовъ рѣшить вопросъ о смыслѣ и цѣли здѣшней жизни и въ лицѣ экономистовъ—устроить ее, пришла къ той истинѣ, что если въ людскихъ отношеніяхъ воцарится евангельская справедливость и свобода, то на землѣ будетъ миръ и среди людей полное благополучіе. Истина несомнѣнная! Выводъ отсюда тотъ, который и наука, слѣдовательно, должна признать, а именно:

„Не напрасно, не случайно

„Жизнь судьбою мнѣ дана;

„Не безъ правды ею тайно

„На тоску осуждена.

„Самъ я своенравной властью

„Зло изъ тайныхъ безднъ воззвалъ,

„Самъ наполнилъ душу страстью,

„Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

„Вспомнись мнѣ, забвенный мною,

„Просіяй сквозь сумракъ думъ!

„И созиждутся тобою

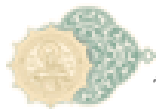
„Сердце чисто, свѣтель умъ“ (М. Филаретъ).

О, еслибы люди всегда помнили и никогда не забывали о существованіи Того, Который созидаеть въ нихъ

чистое сердце и даетъ имъ свѣтлый умъ! Тогда жизнь ихъ не могла бы представляться имъ напраснымъ и случайнымъ даромъ, не смотря на всѣ переполняющія ее скорби и лишенія. Она имѣла бы иной видъ, другую фізіономію, ясную, открытую и въ то же время полную таинственнаго глубокаго смысла. Человѣкъ видѣлъ бы тогда въ себѣ безсмертное созданіе, горниломъ бѣдствій и страданій подготавливающееся къ загробному высшему бытію. Къ нему онъ стремился бы всей душой, и чрезъ это его здѣшняя жизнь была бы такою, какою она должна быть, была бы началомъ блаженной жизни вѣчной. И какъ-бы прекрасенъ былъ въ глазахъ его и этотъ міръ, если бы онъ смотрѣлъ на него очами, преисполненными живого упованія вѣчной жизни! Какъ миренъ былъ бы духъ его, покоясь на чаяніи будущей жизни! Человѣкъ былъ-бы всегда безмятежнымъ и даже въ самыхъ страданіяхъ блаженнымъ. Помышляя постоянно о жизни будущей, вѣчной и проводя свою здѣшнюю жизнь въ приготовленіяхъ къ той жизни, человѣкъ могъ бы достигъ такой нравственной высоты, что, живя на землѣ, онъ могъ бы быть гражданиномъ неба, а потому уже и здѣсь блаженствовать. Лѣтопись христіанской жизни полна дивныхъ примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль.

Нынѣ, напр., св. церковь наша ублажала память преп. Маріи Египетской, жизнь и подвиги которой сдѣлали то, что самое имя ея стало синонимомъ покаянія. Кто изъ насъ не знаетъ житія преп. Маріи Египетской? Кто не знаетъ того житія, въ повѣствованіи о которомъ соединилось все, что можетъ тронуть, умилиť, потрясти, возвысить человѣческую душу!

Марія Египетская—эта раньше великая грѣшница—при видѣ Голгофы была охвачена такимъ сильнымъ чувствомъ раскаянія, что, сорвавши съ себя роскошныя одежды, удалась въ пустыню и тамъ прожила 30 лѣтъ, подвергая свое тѣло жгучимъ лучамъ солнца и обрекая свое тѣло жгучимъ

лучамъ солнца и обрекая себя на голодъ. Старець Зосима пришелъ въ трепетный ужасъ при видѣ этого неземного существа, которое, какъ передаетъ онъ, живя на землѣ, могло ходить не по землѣ. Такъ эта женщина стала выше своихъ желаній, выше своей природы, выше страданій. Это полная преданность волѣ Божіей, полная чистота души. У нея нѣтъ своихъ желаній, она не знаетъ заботъ и страха, она смотритъ на все съ точки зрѣнія вѣчности, и въ душѣ ея открыты источники лучшей жизни и самыхъ чистыхъ возвышенныхъ чувствъ. Страданія побуждаютъ ее подниматься въ область святости, отрѣшиться отъ себя и отъ міра. Она ищетъ лишеній, воспринимая въ себѣ духъ чистоты. И вотъ, она блаженствуетъ, когда на насъ взглядъ, страдаетъ. И глубокій смыслъ получаетъ то, что съ перваго взгляда кажется нелѣпымъ. Жертва, которая, повидимому, уничтожаетъ ее, на самомъ дѣлѣ животворитъ,—и преподобная обладаетъ уже и въ этой жизни жизнью вѣчной. Сострадая распятому Христу, она любитъ то, что Богъ любитъ, хочетъ того, что угодно Богу, и хочетъ такъ, какъ Богу угодно, предпочитаетъ всему Бога и цѣнитъ все въ отношеніи къ Богу. Прочитайте или выслушайте и продумайте повѣствованіе о преподобной Маріи и вы воочію убѣдитесь, что чаяніе вѣчной жизни служить разгадкою той тайны, какою является намъ здѣшняя жизнь,—является лозунгомъ, въ которомъ резюмируется все, что намъ слѣдуетъ дѣлать въ этой жизни.

Намъ слѣдуетъ жить такъ, чтобы въ этомъ мірѣ, въ мірѣ отношеній между живыми существами, сіяло и свѣтилось, отражалось чаяніе будущей вѣчной жизни. Тогда мы, являясь заключенными въ предѣлы настоящей жизни, выступимъ за эти предѣлы, уже просто благодаря одному неотразимому дѣйствию высокой мысли о вѣчномъ блаженствѣ. И если бы мы отдалились этой мысли всею своею любовью, всею своею дѣятельностью, тогда наша здѣшняя жизнь стала бы иною, стала бы дѣйствительно истинною человѣческою жизнью.

потому что мы сами, каждый изъ насъ стать бы въ полномъ смыслѣ человѣкомъ, такъ какъ въ немъ само собою замерло бы все чуждое ему, и главнымъ въ жизни стало бы вѣчное въ немъ, которое присуще ему. Быть человѣкомъ, жить достойнымъ человѣка образомъ—въ этомъ мое счастье и мой долгъ, налагаемый на меня свыше. Есть Нѣкто, Кто, такъ сказать, вручилъ мнѣ меня самого, Кто поставилъ мнѣ жизненную задачу и Кто потребуетъ отъ меня отчета въ томъ, какъ я ее выполняю.

Препод. Марія познала въ себѣ человѣка, уразумѣла истинную цѣль жизни и стала жить тою жизнью, которая намъ кажется слишкомъ высокою, слишкомъ необыкновенною, просто изумительною, необыкновенно трудною. Но для нея жизнь ея была жизнью обыкновенной, естественной, соответствующей ея духовнымъ силамъ и способностямъ. Чая будущей жизни, она признала необходимымъ для себя проводить свою жизнь внѣ общественной жизни и условій. Страдала-ли она отъ этого? Но можно-ли говорить о страданіяхъ, когда рѣчь идетъ о жизни съ Богомъ?!...

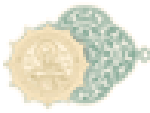
Вы скажете, что на такіе подвиги не всѣ способны, что этотъ подвигъ могла подъять одна препод. Марія, но вы и не обязаны жить жизнью препод. Маріи, такъ какъ жизнь эта была ея личною жизнью, жизнью ея собственной. Всмотритесь внимательнѣе въ прошлое христіанства и вы увидите тысячи примѣровъ, которыми особенно сильно отъбъняется вліяніе на эту жизнь чаянія будущей жизни, вліяніе на эту жизнь въ различныхъ ея сторонахъ, вліяніе на личность человѣка въ разныхъ состояніяхъ, вліяніе, иногда возвышающее человѣка до недосягаемой нравственной высоты.

Въ мученическихъ актахъ читаемъ, напр., про кончину Перпетуи и Фелицаты, изъ которыхъ одна только что стала матерью, а другая еще кормила грудью свое дитя. Ихъ обнажаютъ, чтобы тѣлесныя муки усугубить нравственною пыtkoю, бросаютъ въ сѣтку и выносятъ на мѣсто мученія. Му-

читатели знали, что дѣлали. Испытываемыя мученицами нравственныя страданія, вслѣдствіе оскорбленія ихъ женской стыдливости, были несравненно сильнѣе ожиданія предстоящихъ имъ тѣлесныхъ мукъ, и на лицахъ этихъ двухъ женщинъ выразилась такая боль, что созерцающій ихъ мученія кровавадный и черствый народъ крикомъ приказалъ одѣть мученицъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Перпетуя въ развѣвающейся одеждѣ снова появляется на аренѣ. Лютый звѣрь бросается на нее и окровавленную повергаетъ на землю. Молодая женщина тотчасъ же поднимается на ноги. Зачѣмъ? Зачѣмъ, чтобы прикрыть обнаженныя части своего тѣла разорваннымъ платьемъ и привести въ порядокъ волосы, такъ какъ волосы, прикрывающіе лицо, были въ то время знакомъ траура, а она желала съ радостію воспріять мученическій вѣнецъ. Сдѣлавъ свое дѣло, она съ радостію подбѣгаетъ къ своей подругѣ, беретъ ее за руку, и обѣ дѣлаются жертвою разъяреннаго звѣря. Такъ въ самыхъ мукахъ при ужасѣ наступающей лютой смерти, эти женщины ревниво охраняютъ духовную чистоту своей женственности. Смерть готова поглотить свою жертву, а эта жертва вмѣсто естественнаго ужаса преисполнена мыслію о женскомъ цѣломудріи. Не чудили это? Не приводить-ли насъ въ благоговѣйный трепетъ одно мысленное представленіе этого явленія необычайной нравственной высоты? Что-же возвысило такъ этихъ женщинъ? Очевидно, то, изъ-за чего онѣ воспріали мученическій вѣнецъ,—возвысило ихъ такъ чаяніе будущей жизни. Мыслію о будущей жизни онѣ жили и съ этою мыслію умирали. Вотъ почему въ ихъ человѣческомъ существѣ даже и при видѣ всѣхъ ужасовъ смерти раскрывались сами собой лучшія свойства его. Вотъ почему и дѣйствія этихъ женщинъ, въ предсмертныя минуты ихъ пріобрѣли такую естественность, которая теперь намъ представляется неестественною. Онѣ въ ветхомъ человѣкѣ показали намъ новаго, который можетъ блаженствовать тамъ, гдѣ ветхій страдаетъ. Пзвѣсно, что

св. мученикъ Карпъ среди всѣхъ страданій. какія могло выдумать изувѣрство. весь облитый кровью. въ то время. когда ударами раздробляли ему кости, улыбался, и небесная улыбка долго сіяла на лицѣ праведника уже и послѣ того, какъ душа его разлучилась съ тѣломъ и отошла въ ту жизнь, которой такъ чаяла во время здѣшней земной жизни.

„Берегись“, сказать одной знатной христіанкѣ (Павлѣ). жертвующей все свое состояніе нищимъ блаж. Іеронимъ: „Иисусъ Христосъ сказалъ. что имѣющій двѣ одежды пусть отдастъ одну, а ты отдаешь три“. „Что же изъ этого“. отвѣчаетъ она. „если я буду принуждена идти просить милостыню или занимать кѣ долгъ, мои родные заплатятъ моему заимодавцу и дадутъ мнѣ кусокъ хлѣба. но если бѣдный, которому я откажу, умереть съ голода, кто будетъ отвѣчать за его смерть, какъ не я“. Вотъ еще женщина. въ которой чрезъ чаяніе будущей жизни развилось полное безкорыстіе, сказавшееся въ совершенномъ отреченіи отъ собственности въ пользу ближнихъ. Чаеніе будущей жизни даетъ намъ въ образѣ дѣйствій этой женщины практическое осуществленіе и тѣхъ земныхъ чаяній, которыми живутъ нынѣшніе экономисты. Только осуществленіе это вытекаетъ не изъ какихъ-либо расчетовъ и выкладокъ объ имѣющихъ произойти отъ него въ будущемъ выгодъ и пользы, а изъ любви къ ближнимъ, любви, не могущей видѣть нужду ближняго въ томъ, въ чемъ у меня есть избытокъ,—дѣйствій свободныхъ, добровольныхъ, вытекающихъ изъ убѣжденія въ братствѣ всѣхъ людей, имѣющихъ одного небеснаго Отца, съ Которымъ предстоитъ вѣчная блаженная жизнь, чаеніе которой наполняетъ всю душу. О себѣ лично такой человѣкъ въ этой жизни забываетъ и, живя здѣсь futureю жизнью, онъ разнузданности противопоставляетъ добродѣтель, расточительности—лишенія,—при этомъ, живя такъ, онъ не замѣчаетъ ничего особеннаго въ своей жизни. „Въ то время, какъ куртизанка заставляетъ нести себя въ роскошныхъ

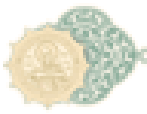

носилахъ. Павла странствуетъ на ослѣ по всей Палестинѣ. Когда патриціанка жертвуетъ культу проституціи въ честь Венеры 500 певольницъ, Меланія кормитъ въ Палестинѣ 5000 христіанъ. Въ то время, какъ потомки Понпеи заставляютъ гнать за собою цѣлыя стада овецъ, чтобы купаться въ ихъ молокѣ, потомокъ Фабіевъ, Фабіола приноситъ на себѣ нищихъ, покрытыхъ язвами и изнуренныхъ болѣзнями, въ устроенную ею больницу“ (Тегуве). Стремясь къ обновленію міра, эти женщины, живущія чаяніемъ будущей жизни, доводятъ до самой крайней возможной степени свое чувство любви къ ближнимъ. Это не современные обновители, которые „всѣ дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди“ (Мѡ. XXIII, 5) и только, такъ какъ они не чаютъ будущей жизни. Нѣтъ, это самоотверженные дѣятели, всю душу свою вложившіе въ дѣло служенія ближнему. И если Марія Египетская, бѣжавши изъ міра, возвысилась такъ нравственно въ пустынѣ, то эти, оставаясь въ мірѣ, возвысились надъ міромъ, стараясь возвысить міръ. Преисполненные любви къ ближнему и чаянія будущей жизни, онѣ пользовались всѣми средствами для облегченія себѣ и своимъ ближнимъ земной жизни и, насколько было въ ихъ силахъ, достигали этой цѣли.

Ясное дѣло, что, если бы и каждый христіанинъ, кто бы онъ не былъ, въ какомъ званіи не состоялъ, какое бы служеніе не отправлялъ, жилъ здѣсь чаяніемъ будущей жизни, онъ возвысился бы и свое званіе, и свое служеніе. Отправляя свой долгъ, онъ проявлялъ бы при этомъ свои высокія личныя качества, зародившіяся въ немъ и развившіяся подъ вліяніемъ чаянія будущей жизни. Исчезла бы тогда съ земли эта нужда, насколько она зависитъ, конечно, отъ испорченности человѣческаго сердца, не было бы разнаго рода униженій, угнетенія и неправды, потому что всѣ своею дѣятельностію приготавливали бы другъ друга къ вѣчной будущности, прекратились бы эти неисчислимыя страданія, которыя вызываютъ человѣческія стра-

сти,—улучшились бы повсюду нравы и обычаи, и въ отношеніяхъ людскихъ царствовала бы справедливость,—люди знали бы, для какой цѣли они несутъ бремя жизни, и это знаніе одно облегчало бы имъ ношу. И вотъ, проходитъ день. эти христіане благословляютъ Бога; проходитъ другой.—они только думаютъ, не сдѣлали-ли чего не добраго, чѣмъ могли бы прогнѣвить Бога и повредить своей душѣ. Такъ изъ часу въ часъ, изо дня въ день, они ожидаютъ времени, когда придется имъ явиться предъ лицомъ Божиимъ. Это уже въ полномъ смыслѣ чаяніе христіанское, и здѣшняя жизнь, согласная съ нимъ, будетъ жизнью истинно человѣческою, жизнью, полною простоты и смиренія, радостнаго подчиненія долгу и призванію и въ то же время полною внутренней отрады и душевнаго чистаго довольства. Вотъ примѣръ такой простой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несоизмѣримо высокой христіанской жизни. Однажды препод. Макарій, углубясь всѣмъ сердцемъ въ молитву, услышалъ голосъ: „Макарій! ты по сіе время еще не уподобился двумъ женщинамъ, которыя живутъ въ близъ лежащемъ городѣ“. Старецъ пошелъ въ городъ, отыскалъ домъ и постучалъ въ двери; на стукъ немедленно вышла женщина, которая съ великою радостью приняла праведника и ввела въ комнаты, гдѣ встрѣтила его другая женщина.

Тогда святой старецъ сказалъ имъ: „единственно для васъ я принялъ на себя великій трудъ; я пришелъ изъ дальней пустыни, чтобы узнать дѣла ваши: не таясь, откройте мнѣ ихъ“.—„Человѣкъ Божій, можно-ли чего нибудь богоугоднаго требовать отъ тѣхъ, которыя постоянно заняты домашними попеченіями?“ Но святой отецъ настоятельно просилъ, чтобы тѣ объявили ему, какъ онѣ проводятъ свою жизнь. Тогда добродѣтельные хозяйки смиренно сказали ему: „Мы двѣ снохи, супруги родныхъ братьевъ; пятнадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ, и за это время ни одного досаднаго слова не слыхали другъ отъ друга, будучи всѣмъ довольны и за все

Богу благодарны. Не разъ помышляли мы о монашествѣ, такъ какъ Господь не далъ намъ дѣтей, но не могли испросить на то позволенія супруговъ и мы остаемся съ ними“. Кажется, какая другая жизнь можетъ быть проще этой, а между тѣмъ, великій подвижникъ св. Макарій, выслушавъ этотъ разсказъ о ней, сказалъ: „понстинъ Богъ не смотритъ, инокъ ли кто или мірянинъ, но ищетъ только сердечнаго произволенія на добрыя дѣла: это произволеніе Господь принимаетъ и, взирая на него, всякому ниспосылаетъ Святаго Духа, дѣйствующаго и управляющаго жизнію каждаго желающаго спастися“, т. е. чающаго жизни будущей. Такіе христіане не прилагаютъ своего сердца къ здѣшнимъ благамъ, но и не отвращаются отъ нихъ съ презрѣніемъ. Они всѣмъ довольны и всему радуются, такъ какъ міръ для нихъ служитъ неисчерпаемымъ моремъ постоянной радости. Міръ, дѣйствительно, и есть таковъ, но только люди сами находятъ себѣ въ немъ вмѣсто радости печаль. Дивно, напр., прекрасенъ бываетъ міръ въ весенніе дни. Радостно свѣтитъ солнце, живительно согрѣвая природу, которая, сбросивши съ себя зимнюю одежду и умывшись дождевою водою, облекается въ чудный благоухающій покровъ. Безчисленный рой живыхъ существъ наполняетъ воздухъ звуками величественнаго гимна въ славу Творца. Радость овладѣваетъ сердцемъ внимательнаго слушателя и на душѣ его становится такъ тихо и такъ сладостно, такъ свѣтло и радостно...

Есть, есть чудные свѣтлые дни и въ этой жизни, но сколько ихъ было бы у того, кто, живя здѣсь, жилъ-бы мыслию о той жизни, сколько у него было бы дней счастья и радости, если бы жизнь его здѣшняя была дѣйствительнымъ началомъ той жизни, которая есть одна радость, одно безконечное счастье. Есть у такого и способность наслаждаться этими днями, потому что у него всегда и „сердце чисто и умъ свѣтелъ“.

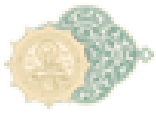
Можно-ли назвать жизнь его даромъ напраснымъ? Проникните глубже въ тайну такой жизни, присмотритесь къ радостямъ, какія она приноситъ живущему ею.—и вы увидите, что жизнь наша есть не напрасный, а драгоценнѣйшій даръ Божій. Конечно, для тѣхъ, кто въ смерти видитъ конецъ жизни, она ничего не можетъ дать кромѣ разочарованія и отчаянія. И какъ-бы не старался такой устраивать жизнь свою, никогда онъ не устроитъ ее къ своему благу. Грозный призракъ близкаго конца всегда будетъ обращать его замыслъ въ пустую затѣю. Спѣшить ему надо, близко къ концу,—и всѣ его мѣры, всѣ предпріятія, всѣ дѣла будутъ поспѣшны, запутанны, часто необдуманны, всегда неудовлетворительны. И какъ заблуждается тотъ, кто думаетъ, что жизнь его дастъ ему все, что можетъ дать, такъ какъ онъ можетъ брать отъ нея все, что ему угодно. Можетъ-ли онъ удовлетвориться этимъ? Испытывалъ-ли онъ когда-либо радость безъ примѣси горечи? А если испытывалъ, то долго-ли переживалъ онъ это чувство? Скоро случившееся горе не уничтожило ли въ немъ и слѣдовъ бывшей радости? Человѣкъ ищетъ, домогается, строитъ, но подулъ вѣтеронъ, разрушилъ все, и несчастный строитель смотритъ на развалины своей мечты, чтобы начать дѣлать изъ нихъ новую постройку. Опять повторяется то-же, и онъ уже близко къ отчаянію отъ сознанія своего безсилія устроиться въ жизни такъ, чтобы быть довольнымъ своею жизнью. И никто ему не поможетъ, потому что никто не можетъ помочь. Временное всегда будетъ временнымъ, и что бы ты не строилъ изъ него и какъ-бы не строилъ, вѣчнаго не выстроишь. Безъ нашей воли намъ даруемая и не по нашей волѣ прекращаемая здѣшняя жизнь наша, въ самомъ большемъ продолженіи своемъ до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, такъ коротка, что только совершенно слѣпому, окончательно заглушившему въ себѣ здравый голосъ разсудка, можно не думать о близкомъ концѣ и о вѣчномъ будущемъ.

Всмотритесь въ современную жизнь и увидите. почему для чающаго жизни будущей жизнь его теперешняя не представляет собою загадки. Онъ знаетъ, что она такова. какою и быть должна, потому что унадокъ вѣры въ будущую жизнь неотвратно влечетъ за собою паденіе настоящей. Онъ знаетъ и то, что какъ-бы не преуспѣвала вѣщная сторона жизни, какихъ-бы блестящихъ культурныхъ результатовъ не достигалъ человекъ, житья ему будетъ все тяжелѣе и тяжелѣе, сила несчастій будетъ возрастать все болѣе и болѣе по мѣрѣ того. какъ онъ. забывъ свою будущую жизнь. будетъ устроять здѣшнюю. Если Бога нѣтъ, безсмертнаго духа нѣтъ, смерть—послѣдній общій конецъ. го ширите люди. ширите одни въ то время. когда другіе будутъ поднимать безсильные кулаки и. скрежаща зубами, проклиная свою жизнь и день своего рожденія. Бѣдные! Кто изъ нихъ несчастіе—ширяющіе или голодающіе? По взгляду современныхъ соціальныхъ угонистовъ, первымъ живется хорошо, плохо же только вторымъ. а на нашъ христіанскій взглядъ одинаково худо живется и тѣмъ и другимъ. Первые забыли. чего нужно желать, а вторые не знаютъ, чего желаютъ. Въ гдѣ ключъ къ разгадкѣ жизненной тайны. Люди желаютъ не того. чего нужно желать, ищутъ не тамъ и полагаютъ не въ томъ. гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать и можно найти. Отсюда ясно и то, почему такъ одинаково далеки отъ истины какъ тѣ философы, которые въ самоубійствѣ видятъ могучее средство отъ всѣхъ золъ и бѣдъ, такъ и тѣ, которые только своими силами, безъ высшей помощи, стараются открыть тайну жизни, выяснитъ смыслъ ея, какъ тѣ, которые глумленіемъ и другими недостойными средствами стараются убить въ человекѣ вѣру въ вѣчное будущее и заставить сморгнуть его только на временное настоящее. такъ и тѣ, которые, вопреки желанію человека. составляютъ разные проекты къ улучшенію его земной жизни. А между тѣмъ, жизнь человека—въ немъ самомъ. Убито въ немъ чаяніе истинной дѣйствительной жи-

зни, и влачить онъ жалкое подобіе ея, являясь настолько несчастнымъ, что никакія средства и мѣры не могутъ облегчить его участи. Предпринимаемая съ этою цѣлію попытки заставляютъ иногда жизнь человѣка корчиться въ конвульсіяхъ, отъ чего человѣку далеко не лучше. Когда, напр., наше современное поколѣніе, попорченное пессимистическими капризами Шопенгауэра, глотаетъ дозу лекарства, прописываемого ему Нитцше, то оно, конечно, этимъ не облегчаетъ, а увеличиваетъ вѣсь дурного багажа.

Очевидно, что земная жизнь наша, оторванная отъ той небесной. та же твердая засохшая земля. Какъ на этой человѣкъ выбивается изъ силы, чтобы провести неглубокую бразду для посѣва сѣмени, такъ и въ жизни, когда посмотришь на человѣка, ведущаго безсильную борьбу съ угрожающими ему со всѣхъ сторонъ опасностями, невольно поражаешься его крайнею безпомощностью. Онъ безсиленъ и одинокъ. И какъ онъ жалокъ, если еще при этомъ и сознаетъ свое состояніе. Страшно состояніе больного, который быстро идетъ къ могилѣ, не подозревая угрожающей ему опасности. Еще болѣе страшно состояніе того больного, который скрываетъ свою болѣзнь. Но во сколько разъ ужаснѣе состоянія нравственной безпечности. лжи, и лицемерія... Знаетъ человѣкъ, гдѣ родникъ его счастья въ здѣшней жизни, знаетъ и не пьетъ изъ него, хотя жажда къ этому питью несомнѣнно есть, такъ какъ человѣкъ просто не можетъ уничтожить предстоящія ему безсмертныя задачи, не можетъ приучить себя смотрѣть только на землю и земное, и не въ силахъ потушить въ себѣ жажду знать себя, свою сущность, свое призваніе, свое назначеніе,—словомъ, знать смыслъ и цѣль своей жизни. Теперь онъ только привыкъ къ той мути, которою его такъ обильно угощаетъ современная жизнь, и привыкаетъ къ той, которую такъ усердно предлагаютъ ему его теперешніе „воскресители“ и „обновители“.

Главная и важѣйшая цѣль дѣятельности Кіевского Общества просвѣщенія въ духѣ Православной церкви—дать здоровое питіе современному жаждущему человѣку, убѣдить его жить живою увѣренностью въ томъ, что жизнь его земная есть начало вѣчной жизни, доказать ему, что эта увѣренность никогда не обманетъ его, что она сдѣлаетъ его вѣчно блаженнымъ, но только при томъ условіи, если увѣренность эта будетъ въ немъ живымъ, постояннымъ и дѣятельнымъ чаяніемъ вѣчной жизни. Да поможетъ-же Богъ „Обществу“ въ этомъ высокомъ и святомъ трудѣ! Богъ и поможетъ ему по молитвамъ Своихъ святыхъ, земная жизнь которыхъ была чаяніемъ небесной.

Архи. пандриитъ Платонъ.

Очерки исторіи философіи древней и новой.

(Продолженіе ¹).

3. Шко л а п л а т о н с к а я.

Главнымъ предметомъ мышленія для іонійской школы было измѣняемое (το γινόμενον), взятое въ его совокупности или общности.—все подверженное переменамъ происхожденія и разрушенія. Чтобы сдѣлать понятною измѣняемость вещей, необходимо было предположить нѣкоторое общее начало для всякихъ переменъ, присущее всему измѣняемому, начало, къ которому сводилось бы все разнообразіе переменъ. Очевидно, что мысль ищущая такого начала, которымъ изъяснялось бы все измѣняемое, неминуемо должна была раздвоиться и пойти по разнымъ путямъ. Дѣло въ томъ, что если первое начало вещей понимать какъ начало рождающее изъ себя всякія переменны, то и само это начало неминуемо должно измѣняться, какъ бы скрываясь въ ряду переменъ и затѣмъ снова возстановляясь въ прежнемъ видѣ. Совсѣмъ иначе мыслится первое начало вещей, если понимать его не какъ силу рождающую переменны, а только какъ общее неизмѣнно пребывающее основаніе (основаніе, а не причину) ихъ, какъ бы содержащее ихъ въ своей власти, предопредѣ-

¹) См. Труды Академіи 1899 г. м. декабрь.